

Серия «Мастера искусств — молодежи», выходящая в издательстве «Молодая гвардия», скоро пополнится книгой «Желание чуда». Ее автор — народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Сергей Федорович Бондарчук рассказывает о кино, о мастерах этого искусства. Предлагаем вниманию читателей два очерка из новой книги, печатающихся в сокращении.

С. БОНДАРЧУК, народный артист СССР

АКТЕРСКИЕ ВСТРЕЧИ

Игорь Савченко

В МОЕЙ родной Белозерке читали и пели Шевченко и стар и млад. В нашей хате, как и в других, висел в обрамлении рушника портрет Тараса. Его стихи вошли в мою жизнь с самыми ранними впечатлениями детства — с запахами степи, мягкими украинскими вечерами. Позже, читая автобиографию поэта, я изумлялся. Казалось, это рассказывалось о нас, деревенских мальчишках. Ведь это мы убегали к курганам, мечтая разглядеть за ними край света. Помню, как обрадовался, когда мне, студенту ВГИКа, предложили роль Тараса.

Первая встреча с режиссером Игорем Андреевичем Савченко... и первые же огорчения.

Мой «поединок» с Игорем Андреевичем начался на первой же съемочной пробе. И я оказался битым.

Со всей добросовестностью, не изменяя, как казалось, чувству правды, я прочел шевченковские стихи из сценария. И сразу же вызвал резкое замечание режиссера:

— Играете себе в карман...

— Я играю в меру своих чувств.

— Играйте в меру чувств Шевченко! — последовало требование.

Прав был режиссер: он хотел увидеть качества, необходимые для исполнителя роли Шевченко. Но в то время я еще не мог играть в меру чувств Шевченко, не имел основы для подлинного выражения чувств героя, ибо не успел познать его.

Поэт, беллетрист, музыкант, композитор, актер, драматург, архитектор, скульптор — можно только изумляться разнообразности интересов и дарования Шевченко. Целая академия в одном человеке! К его мнению прислушались талантливейшие художники. Известно, как дорожил его дружкой Карл Брюллов. Тонкий художественный вкус вчерашнего крепостного ценили актеры и музыканты.

Поверив мне как исполнителю, Савченко не побоялся трудностей работы с молодым актером, которому к тому времени явно не хватало и жизненного опыта, и профессионального мастерства, чтобы воплотить в образе всю страсть больших мыслей и чувств гениального поэта.

Я приступил к работе над ролью задолго до съемок. Савченко читал мне отрывки из будущего сценария, советовался по каждой вновь написанной сцене, посвящая сначала в авторские сценарные замыслы, а затем на протяжении всей сценарной работы и творческие планы изобразительного, монтажного, звукового решения, привлекая меня к общению с художниками и композитором фильма.

Убеден, что есть роли, которые создают актера. Работа над образом Тараса не просто эпизод, часть моей творческой биографии. Здесь были заложены принципы, которым я верен до сих пор. Шевченко всегда где-то рядом со мной. Мечтая поставить «Тараса Бульбу», снова и снова возвращаюсь к Шевченко. Драматическая жизнь сына народа помогла мне осмыслить и характер Соколова в «Судьбе человека». Я вспоминал годы ссылки поэта, душевную ясность, внутреннюю несогнутую силу, нерастратенную любовь.

Николай Мордвинов

ДО сих пор помню задумчивое «здрассте» Николая Дмитриевича Мордвинова.

Помню все его роли в Ростове — и Петруччио в «Укрощении строптивой», и строителя новой жизни Тиграна в пьесе Готьяна, и Отелло — впервые он его сыграл именно на сцене Ростовского театра имени М. Горького. Мордвинов был кумиром для нас, студентов, мечтавших стать актерами.

Тогда я учился в театральном училище в Ростове. Оно размещалось на

последнем этаже дома, где жили актеры театра: дом и театр разделял парк. Получалось так, что когда утром я торопился в училище, тем же парком, но в театр, шел из дома Николай Дмитриевич.

Уже по дороге в театр — на репетицию или на спектакль — он был «в образе», целиком погружен в атмосферу сцены. Я же, находясь под впечатлением его творчества и его имени, не мог не задороваться с ним.

— Здравствуйте, Николай Дмитриевич! — почтительно говорил я.

Он пребывал в каком-то непонятном мне, совсем другом мире, далеко-далеко... Все же голос мой на несколько секунд возвращал его на землю, за эти мгновения он успевал взглянуть не столько на меня, сколько, я бы сказал, сквозь меня и ответить:

— Здравсссте... — долго растягивая «с».

Это происходило очень часто и запомнилось на всю жизнь.

Судьба большого драматического артиста в кино не всегда бывает счастливой. Однако приход большого актера в кино может дать очень много. Кинематографу в первую очередь, потому что образы, созданные мастерами, остаются в памяти навсегда. Михаил Чехов в «Человеке из ресторана», Иван Москвин в «Коллежском регистраторе», Леонид Леонидов в «Гобсеке»... В этом ряду с полным правом можно назвать и образы, созданные Николаем Дмитриевичем Мордвиновым в «Маскараде», «Богдане Хмельницком» и «Котовском». В кино он играл мало, но немногие создания его стоят особняком, живы и будут жить.

Уже тогда всех поражала невероятная работоспособность Николая Дмитриевича. Когда читаешь дневники и суммируешь впечатления от его творчества, неизбежно приходишь к выводу, что Мордвинов был наделен не просто талантом, а необыкновенным талантом и поэтому был необычайно работоспособен, ибо, по известному определению, талант — это 99 процентов труда. Так работать мог лишь человек одержимый, фанатично преданный театру.

Обычно днем, как все актеры, он репетировал, вечером играл. И тут надо сказать, что роли его были сложны не только по линии «психофизической жизни» — их было просто физически тяжело играть.

Скажем, играя Отелло, нужно за четыре часа прожить жизнь — от великой любви до великой трагедии, как переживает ее Отелло, надо самому волноваться и уставать. Отелло тяжело играть физически в любом театре, но особенно в тогдашнем, ростовском. В этом огромном зале были «ямы» — акустические провалы, и актер должен был чрезвычайно форсировать звук, чтобы быть услышанным.

Мордвинов — актер школы переживания, в этом качестве он исповедовал, конечно, систему Станиславского и знал ее очень хорошо. Дневник артиста является конкретным примером того, как большой мастер работает «по Станиславскому», как практически реализуется система в творчестве актера с начала и до конца работы над ролью.

Можно проследить чуть ли не по дням, как Николай Дмитриевич вырабатывал в себе качества, присущие той или иной роли, как подходил к характеру — не от внешнего к внутреннему, а наоборот. Как он заботился о походке, манере говорить. Как учился владеть саблей, ездить на коне. Как постепенно вырабатывал в себе неповторимый характер и как приходил к результату, который требовали от него чуть ли не на первой же пробе.

Приходил очень сложными путями, сложными, но и естественными для него, поскольку только так мог прийти к результату он, Николай Дмитриевич Мордвинов.